

ор 613
Т-48

ор 613

З/с 17.

ТРУДЫ

ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ

КИРГИЗСКОГО КРАЯ.

Вып. III.

1922 г.

ОПЕЧАТАНО

В Р. РУССКО-КИРГИЗСКОМ КРАЕВОМ

ТИПОГРАФИЧЕСКОМ ЗАВОДЕ

ОРЕНБУРГСКОГО КРАЕВОГО

О Р Е Н Б У Р Г .

Оренбургская областная
библиотека
им. Н. К. Крупской

а. 156308

А. Диваев.

Шурá, сын Нарик-Батыра*)

(Каракалпакская былина Амударьинского отдела).

Некий богатырь Нарик из рода Тама, не поладив с своими сородичами, покинул родной свой город Казань и, прибыв во владение некоего Акча-хана, поселился в окрестностях Ургенча (Хива).

Пребывая здесь долгое время, Нарик-Батыр стал служить Акча-хану и добился его высокого расположения и любви к себе.

Однажды, собравшись в долгое путешествие, Акча-хан передал владения свои верному своему слуге Нарик-Батыру.

Нужно сказать, что у Акча-хана была любимая им гончая собака.

„Береги ее, как зеницу ока, на охоту не пускай, никому не давай“ наставлял Акча-хан, препоручая прекрасного гончего на попечение Нарика и обещая последнего осыпать своими щедрыми милостями.

Отдав такой наказ, Акча-хан выбыл в длинный путь.

В один из дней люди Акча-хана, собравшись на охоту, пришли просить гончего, но Нарик отказал в их просьбе.

„Стоит ли обращаться с какою-бы то ни было просьбой к этому бродяге-Нарик-Батыру“, сказали люди Акча-хана и порешили забрать гончего без разрешения его.

*) Есть обширная киргизская былина, которая напечатана мною в 1895 году в «Сборн. матер.» для статист. Сыр-Дарьин. обл. том IV, под заглавием: «Шура-Батыр. А. Д.

Выехав в степь, ханские люди натравили собаку на зайца, собака бросилась преследовать. Всею гончая и заяц скрылись с глаз. Ханские люди поскакали по следам, но не могли найти ни зайца, ни собаки.

Заметив отсутствие гончего, несчастный Нарик закручинился. „Какой я буду теперь держать ответ перед Акча-ханом“ размышлял он.

Думы ни к чему не привели.

Оставалось только отправиться за поисками собаки.

С этой целью Нарик сел на прекрасного аргамака Акча-хана и выехал на розыски. Продолжая путь по указанному направлению, следы привели Нарика к одной пещере. Далеко проникнув в глубь ее, взорам его представилось невероятное количество золота. При виде неисчерпаемой казны, он был изумлен и долго не мог придти в себя от полученного впечатления. Собравшись с духом, Нарик забрал с собою золота столько, сколько позволяли ему силы и вышел из пещеры, не найдя там собаки. Взятое им золото он зарыл в укромное место и вернулся домой.

Прошло после того некоторое время и Акча-хан вернулся из своего путешествия.

Осведомившись у Нарика о благополучии своих владений, хан спросил и о прекрасном гончем.

Нарик, заливаясь горькими слезами, доложил своему патрону, что гончий пропал без вести, а о золоте умолчал. Хотя Акча-хану и было неприятно исчезновение собаки, но он не только не выразил неудовольствия Нарик, но даже не подал и вида.

Проходят дни.

Нарик начинает страшно худеть, лицо его настолько пожелтело, что при виде его становится жутко.

Предполагая, что Нарик-батыр тяжело болен, Акча-хан потребовал к нему табиба (врача).

Осмотрев больного, табиб заявил, что Нарик совершенно здоров. А что если он похудел и по-

желтел, так это произошло от неотступных дум о золоте.

По уходе табиба Акча-хан просил Нарика объяснить причину такого заключения врача.

Тут Нарик подробно рассказал Акча-хану как пропал гончий, как он отправился на розыски, как наехал на пещеру и как наткнулся в пещере на золото.

Выслушав с большим вниманием повествование Нарика, хан предложил ему поехать вместе к пещере.

Забрав указанное Нариком золото, Акча-хан пришел в неописуемый восторг, горячо благодарил Нарика, увеличил к нему свою любовь и назначил его бием-правителем в одну из подведомственных ему богатейших провинций.

Такая милость хана к Нарик-Батыру не прошла бесследно. Приближенные к Акча-хану сановники за тайли злобу к Нарик-Батыру.

Нарик-Батыр замечал это и вот в один из дней, представ перед очами Акча-хана, сказал:

„Когда тоскует аргамак по воле, он скучает по косяке. Ему грезится как резвился он у подошв снежных гор. Нет молодца, который-бы не тосковал по золотой родине своей, равной в его глазах священной Каабе. Белый сокол грустит по стае своей, вспоминая, как парил в заоблачной синеве. Нет мужа, который-бы не заботился о безопасности отечества своего, нет птицы, которая бы не заботилась о гнезде своем. Сидя во дворце ты не ведаешь, что творится во владениях твоих, где зависть и зло и несправедливость свили гнездо себе.

Предстал я перед тобою, униженный и оскорбленный.

Отпусти ты меня домой! Ведь в отечестве своем был я счастлив и славен!“

Выслушав Нарик-Батыра, Акча-хан спросил присутствующих, кто может ответить Нарик-Батыру так убедительно, красно и образно, что он отменил бы свое намерение возвратиться на родину.

При величайшей тишине из толпы выделилась одна красавица девица по имени Мангли-слу и глядя на Акча-хана, начала:

„Он богатырь, богатырь, неоценимый богатырь.

Когда пребывал в своем отечестве, он изысканно питался. Вкушал казы *), карта и джал. А лакомился сахаром и медом. Не садился на плохую лошадь, не одевал плохой одежды, не был спутником плохого (человека). О, он несравненный муж.

О, если предложить ему вкусное питание и лакомства тленного мира, не останется ли он у нас?

О, если предложить ему двухгодовалого выхленного дромадера, лучшего представителя сельского скота, не останется ли он у нас?

О, если предложить ему шелковый халат, с шитым золотом воротником и, дав в руки черного сокола, чтобы метать на охоте, не останется ли он у нас?!

О, если предложить ему прекрасную девицу — красавицу, с косами плакучей ивы, стройную как бедуинский конь, с блеском лица, напоминающего восхитительный тонкий мираж, с лицом цвета белой пшеницы осеннего налива, с бровями уподобленными луку и с ресницами, похожими на стрелы, о, не останется ли он у нас?!

Так приговаривала Мангли-слу.

Народ, затаив дыхание, слушал дивные слова ее.

А Акча-хан не мешкая распорядился повенчать Нарик-батыра с Мангли-слу.

И вот зажили они в блаженстве, справляя медовый месяц.

Недолго продолжалось счастье Нарика с Мангли-слу.

Мучимые завистью, близкие сановники Акча-хана стали вероломно подбивать хана, чтобы он сам женился на Мангли-слу.

*) Казы — колбаса из лошадиного мяса, карта — прямая кишка лошади и джал-жир, находящиеся у лошади под гривой. Все это лакомые блюда у киргизов.

Предложение сановников пришлось по сердцу Акча-хану и он спросил как это устроить.

Устроить это очень нетрудно, стоит только написать письмо Шангерей-хану, чтобы он приказал убить этого бродягу Нарика. А чтобы дело было вернее, самое письмо отдать в руки Нарик-батыру для передачи хану Шангерей. Тогда Мингли-слу будет свободна и, следовательно, можно будет вступить с нею в брак, решили сановники.

Акча-хан вполне одобрил мысль сановников.

Письмо было написано и передано Нарик-батыру.

Получив это послание и, узнав об угрожавшей ему опасности, Нарик решил не ехать к Шангерей хану и, вернувшись ночью с пути домой, спрятался.

Убедившись, что Нарик уехал, Акча-хан дал знать Мингли-слу, что приедет к ней в гости.

Недолго пришлось ждать хана, он пожаловал со своими сановниками. Мингли-слу на славу угостила гостей. Трапеза прошла, сановники стали раз'езжаться.

Акча-хан, оставшись один, предложил Мингли-слу приготовить ложе.

Тут хозяйка, обращаясь к высокому гостю, сказала следующее:

„О, мой хан! Отец мой обладал огромным богатством. Безчисленное множество табунов лошадей его паслись на девяти обширных тугаях, покрытых шелковистой травой.

Вот однажды настали такие дни, что каждый день из табуна стало пропадать по одной кобыле. Отец решил отправиться с пастухами на поиски. Проезжая около одного обрыва, они заметили внизу лежащего льва. Увидя его отец выразил царю зверей неудовольствие, что лев без позволения отца ежедневно закалывает по одной кобыле и с'едает.

По воле всевышнего лев заговорил человеческим языком.

О, богач! Тебя Создатель сделал, по милости своей, богатым, а я вот нуждаюсь в пище и вечно

голодаю. Если я и режу твоих кобыл, то делаю это мучимый голодом, сказал лев.

Выслушав льва, отец мой дал слово присылать ему по одной кобыле, которую приводил пастух и оставлял на привязи около пьва и сам уходил.

Однажды выпал такой день, что лев не дотронулся до кобылы. Отец был удивлен этим. Приходит и спрашивает льва, почему он не зарезал кобылы. Лев ответил, что он чужими остатками не пользуется. так как на присланную кобылу, когда ей было всего лишь два года, наскочил волк и вырвал из филейной части кусок мяса, и что следы этой глубокой раны остались и теперь.

О, мой повелитель! Если лев побрезгал воспользоваться остатками от волка, то вам царственному отпрыску, совсем уж не подобает пользоваться остатками после Нарика, закончила Мингли-слу. Выслушав это, Акча-хан сконфузился и, покаявшись в своих чувственных помыслах, уехал домой.

И так Нарик, благодаря находчивости и уму своей жены, избавился от смерти.

Вскоре Мингли-слу подарила мужу сына, которого нарекли именем Шура.

Прошло порядочно времени. Шуре уже исполнилось семь лет. Однажды играя в большом обществе мальчиков у него товарищи хотели отнять бабки.

Не желая дать себя в обиду он ударил одного мальчика так сильно, что убил его на месте.

Придя потом к матери он спросил, где родина его отца. Мингли-слу ответила, что родина его отца гор. Казань и что он происходит из рода Тама.

Получив эти сведения Шура отправился в табун, поймал там своего несравненного коня скакуна, оседлал его дорогим седлом и, решив ехать в Казань, предстал перед матерью.

Видя отъезжающего Шуру—мать его и красавица сестра Ширин залились горькими слезами.

„О, сын мой, душа Шура! Ты блещешь светом полной луны, от тебя веет ароматом мускуса! Ты подобен волнам бушующего моря! О, зачем поки-

даешь нас, когда не покончил еще счета с лютым врагом нашим Акчи-бием, когда над головою нашей повисла беда и в спины нам веет холодное дуновение ветра опасности? на кого ты оставляешь престарелого отца своего, несчастную мать, белолицую венчанную свою супругу и красавицу сестру Ширин? О, пощади, мы погибнем здесь на положении мусафиров *) без тебя“, причитывала Мингли-слу.

Тут Шура-батыр обращаясь к отцу, матери и сестре, сказал:

„Тот, кто дал мне жизнь, может и взять ее обратно, на то он и Господь Всевышний. Что получу я смерть в битве неравной, о, не сокрушайся матушка моя! Ведь узнав, что Казань обремененная богатством и казной, покорена неверными, могу-ль усидеть я здесь“.

О, драгоценный мой брат Шура, да будет благословен твой путь. Ты воссел на своего буйного ветра-коня-тулпара, береги-ж его в пути как зеницу ока. Да будет тебе суждено возвратиться к нам с победой, проговорила, захлебываясь от слез, прекрасная сестра Шуры-красавица Ширин.

„Я был подобен звездам, вечно сиявшим на небесах, ты же была, дорогая, полярной звездой.

Я был опорой мужей на земле, рожденный львом..... Если не сверзится с небес Темир-Казык **) и рассыпавшись каменным горохом не засыплет землю, не поверну я с этого пути моего коня... Прощай, будь здорова, моя печаль, если промысел сохранит твоего брата, он вернется к тебе!“

И так Шура-батыр поехал по направлению Казани. Его сопровождал Кулынчак-батыр из рода Нагайлы.

На пути Шуры стояла великолепная белая юрта девицы Ару-Мактым, тоже из рода Нагайлы.

Заслышав о проезде Шуры, она вышла на дорогу и стала поджидать богатыря Шуру. Когда он

*) Мусафир — чужестранец, пришелец. А. Д.

**) Темир-Казык в переводе: железный кол. Название звезды, которая дает киргизам возможность ориентироваться в пути в ночное время. А. Д.

стал приближаться, Ату-Мактым обратилась к нему со словами:

„Ты сидишь на великолепном вороном коне сопровождает тебя лучший из богатырей Кулынчак Батыр.

О, богатырь Шура, ведь тебе всего лишь двенадцать лет!... Украшает твою голову шитая золотом драгоценная шапка, держишь ты в руке дивного белого сокола... Восемнадцать тысяч нагайлинцев ведения Урмамбета, следует за тобой мой славный лев...“

Когда Шура под'ехал вплотную Ару-Мактым вновь начала:

„Как посмотрю на тебя ты не из черни, а из тюрей, белой кости:

Вырядившись в золотую шапку, имея в правой руке белого сокола, сидя на вороном скакуне, светик мой, куда ты держишь путь?!“

Шура отвечает:

„Я не из белой кости, а из черни, родом Таминец, сын Нарика—Шура, едущий из Хоарезма (Хива). Узнав, что утопающая в богатстве Казань покорена неверными, отвага моя не вмещается в моих недрах, и я следую в Казань!“

Ару-Мактым:

„Так ты славный богатырь Шура, сын Нарика едущий из Ургенча отважный муж?!

Так знай: Я девица-представительница славного рода Нагайлы, по имени Ару-Мактым!.... Ты-ли превосходишь меня, или я, а может быть мы равны?!

О, если я своими белыми, холеными ручками изготовлю тебе трапезу, будешь ли ты вкушать? Или-же, пренебрегая мною как немощною, оттолкнешь мое предложение? О, Шура, вижу я, что ты собрался разразиться гневом, подобно туче грозой и отплатить жестоко покорителям драгоценной Казани. Вижу я, что на тебе несколько слоев холодного стального платья!

О, славный Шура! Знаешь-ли на пути твоём

сколько трудных препятствий? Сколько гор поднебесных, сколько рек необъятных! Земля там лютая с пятимесячным холодом и глубоким снегом! О, Шура, подумай об этом“!

Шура:

„Я сын Нарика, Шура, держащий путь в Казань! До прибытия моего да не пойдет снег, пусть лучше падает с неба лучезарный свет!

Когда-ж прибуду я в Казань, то не снег уже пойдет, пойдет крови поток!

Подтянул я поводья своего коня-скакуна, дабы достигнуть заветной цели!“

Пробыв много дней в дороге, Шура-батыр прибыл наконец в Казань и остановился на сенном базаре у Кабыл-мирзы. Через несколько дней в ворота сосновые Кабыл-мирзы постучались несколько неверных воинов, требуя яиц. Шура-батыр, узнав об этом, пришел в такой гнев, что снес головы всем неверным. Кабыл-мирза пришел в ужас.

Весть об этом дошла до неверных и они, проведая, что у Кабыл-мирзы остановился Шура-батыр, отправили своих воинов для поимки его. Когда прибыли воины изловить Шуру, он пропел следующее:

„Стамбул и Казань два главные города, с испокон слыли колыбелью мира! Они сила и опора всех владений мусульман..... Предки наши были неучи, построили Казань на двух разветвлениях Идыля (Волги)..... Крым был всегда славным Крымом, украшенный сорока тысячью мечетями! Возрос я там славным мужем не испытав унижений..... Трапеза тогда состояла моя из одной кобылы. О, если я освобожу великоленную Казань от неверных, тогда лишь могу я сказать, что сделал дело.....

О, оседлайте мне моего дивного вороного, да принесите мне булатную кольчугу, дабы я мог надеть на себя и ринуться, призывая на помощь Создателя, на этих многотысячных неверных!“

И так, Шура-батыр торжественно выехал с Ку-

лынчак-батыром в сопровождении 60 человек за город.

Кулынчак свирепо смотрел на черневшее издали неверное войско.

Задрожала земля, застонало небо! Это несется Шура в своей золотой шапке к неприятелю. Несется он на победоносном вороном, копыта которого словно не касаются земли. Взоры Шуры сверкают, он весь полон гнева и кипит как вода в многоведерном котле.

Взоры многотысячного войска неприятеля разбегаются от ужаса, их сгоняют в одну кучу, словно баранов и гонят перед собою.

Когда неприятель был побежден и уже Шура-батыр воссев на коня собрался ехать вместе с Куланчак-батыром домой в Ургенч, запел:

„О, неверные, если Вы появитесь в Казани, я накажу жестоко Вас. Все площади ваши покрою пылью и твердые крепости Ваши обрызгаются кровью.“

Олень и осел.

(Из киргизских побасенок Черняевского уезда).

Это было так давно, так давно, что и сказать трудно. В те поры еще журавли полки водили, а лукавая и коварная лисица, успевшая войти в доверие ко льву, стала бием и творила суд над разными зверями и прочими божьими творениями.

Вот в эти то отдаленные от нас седой старинной времена жили да были осел и олень.

И ведь подумаешь, как могли сойтись олень и осел?.

А произошло это совершенно случайно.

Олень резвился и скакал на подоблачных снежных вершинах Ала-Тау, рельефно выделяющихся в голубой синеве неба, и не заметил как примчали его стройные и тонкие ноги к самым предгорьям. Здесь, внизу в долине, олень залюбовался огромным восхитительным садом, окаймленным высоким дувалом.

И еще один миг, он сделал через изгородь грациозный прыжок и очутился в девственном саду.

Какие здесь были деревья, пруды, шелковистые травы, цветы, и описать невозможно.... Так пасся в упоительном блаженстве олень. В один из дней вдруг он видит возле себя тощего претощего осла. Проходят дни, а осел неотступно ходит за ним. От сочной и питательной травы он скоро набрался сил и уже проявляет склонность к ухаживанию за оленем.

Здесь все располагает к неге: деревья, пруды,

благоухающие цветы, сочные и целебные травы... Все, все. „При виде твоего стройного и кокетливого стана и твоих восхитительных чарующих черных глаз, у меня вскружилась голова, омрачился ум и я не могу удержаться, чтобы не воспеть своим тихим и приятным голосом внешность твою и мою беззаветную любовь к тебе, сказал, задыхаясь от волнения, оленю осел“.

О, несчастный раб, несчастного продавца дров! Я не понимаю твоего дерзкого лепета. Ослу ли воспевать красоту таинственной и девственной природы мира, ему-ли восхищаться твореньями земными? А насчет того „тихого и приятного пенья тебе стыдно и помышлять, оно может лишь тебе принести величайшее горе. Теперь, я, как подумаю, затея твоя мне напоминает один случай: Однажды в ночное время к одному богачу забрались воры и спрятались в засаде. Дабы дать возможность обитателям дома заснуть покрепче, они стали ждать глубокой полночи. Стало скучно и хищники принялись пить вино. И вот отуманенные крепким напитком, они запели во все горло песню. А дальше уж известно, их переловили и засадили в зиндан (яму). (Темница подвал).

Так вот, друг мой, умерь и ты свой пыл, отложи „пенье“ до другого раза, ведь мы с тобой те-же воры, забрались сюда без ведома хозяина сада, сказал олень ослу.

Но не унимался осел, пустился опять в разговоры:

— О статный мой олень! Я лев, ты только барс, я городской житель, а ты дикарь.

Ну куда тебе после этого судить о дивных мелодиях песни? Ведь ты полный невежда, резонировал осел.

— Какое сердце, скажи мне, мой осел, может быть чуждо песни, кто не жаждет слышать музыки? Бесспорно, ты обладаешь дюжим голосом, что и говорить, но ведь голос твой до того отвратителен, что

едва-ли найдется такое ухо, которое было бы способно слушать тебя?...

Да, друг мой, если ты не выдержишь характера и рявкнешь, то мы пропали, и ты уподобишься некоему злополучному продавцу дров, заключил олень.

А что случилось с этим продавцом дров, заинтересовался осел.

— Однажды некий продавец дров очутился в необитаемой пустыне. И что же представилось его взорам? Сидят несколько прекрасных пери*), перед ними стоит тончайший волшебный кувшин. Каждая из пери, ударяя ручкой по кувшину, произносит название какого-либо сладкого вина. И вот из кувшина тот-час же начинает бить фонтаном чудное вино, а пери весело подставляют свои кубки и пьют его.

Заметив продавца дров, они пригласили его в свою компанию. Много дней продавец дров кутил с пери, пока, наконец, не очнулся и не вспомнил семьи своей.

И стал он умолять пери, чтобы оне отпустили его домой. Те согласились и спросили, что дать на память домой. Продавец дров попросил волшебный кувшин. Пери исполнили его желание, но предупредили, что если он не сумеет сохранить этот чудодейственный подарок, с ним случится несчастье.

И так он вернулся к семье, созвал на радостях всех родственников и устроил им пир на славу, благо ведь вина не покупать.

Когда хозяин захмелев, схватил кувшин и поставив его себе на голову стал кружиться, кувшин упал и разбился вдребезги.

Предсказание пери подтвердилось, потому что продавец дров в скором времени лишился своего благосостояния, нажитого при помощи волшебного кувшина. Как-бы и тебе, мой друг с твоим голо-

*) Пери—это мифические прекрасные существа женского пола, обитающие между небом и землею. А. Д.

сом не очутиться на положении продавца дров, заключил свой рассказ олень.

Но осел был неумолим, он не внял добрым советам оленя, растопырил ноги, приподнял хвост и, раздув ноздри—собрался гаркнуть во всю мочь. Олень пришел в ужас и, прежде чем осел успел издать рев, сделал смелый прыжок через дувал сада и был таков.

Дорого стоило это удовольствие злополучному ослу. Заслышав его крик—хозяин сада прибежал со слугами, перебил ноги ослу и снял с него шкуру

Приметы киргизов.

Мы не ошибемся, если скажем, что нет ни одной народности, которая не имела бы своих примет.

Очевидно сама жизнь складывается так, что приметы сами по себе должны нарождаться. Но в большинстве, их придерживается простонародье, хотя с другой стороны нельзя утверждать и этого. Очень часто можно встретить интеллигентных и культурных людей, которые следуют народным приметам на тот или иной случай. Я, например, знал, что К. П. Кауфман, занимавший высокое положение в крае и человек государственного ума, никогда, можно сказать, не выезжал в дорогу по понедельникам, считая этот день несчастливым днем при выездах куда-либо. А. Н. Гродеков, устроитель Сыр-Дарьинской области не клал шапки на стол, при чем самым серьезнейшим образом выражал недовольствие своим знакомым и подчиненным, когда они, приходя к нему, клали шапку на стол. И таких примеров можно вероятно, набрать не мало.

Приметы, вообще, каких-бы племен они не касались, если разобраться в них весьма интересны. Возьмем для примера серию киргизских примет.

„Зажженной свечи не задувать, потому что при таком способе гашения человек может сделаться забывчивым“, говорит одна из примет.

Излишка принесенных в юрту дров обратно не выносят, боясь, что будет покойник из этой юрты.

В киргизских юртах середина всегда оставляется под огонь и поэтому никогда не застилается.

Огонь не разводится в юрте лишь в одном слу-

чае — когда есть в этой юрте покойник. Тогда в юрте место, оставленное для огня, очищается и застилается вся юрта, при чем покойник кладется на правой стороне и должен пролежать сутки. Вот почему излишек дров не выносятся обратно; это-бы указывало на то, что их стало не нужно, а дров в юрте не нужно только тогда, когда в ней покойник.

Ночью не отворяют сундуков, опасаясь, что умрет кто-нибудь из семьи; если же и отворяют по случаю настойчивой необходимости, то при этом приговаривают „вошел в него змий“. Киргизы, как кочевники, открывают свои сундуки связанные для того, чтобы везти их на верблюдах на место новой стоянки с раннего утра, по ночам-же только по весьма нестложным надобностям, требующим каких-нибудь вещей, хранящихся в сундуках. Такими случаями могут явиться похороны, потому что отворить их нет никакой возможности до удобного времени, а все остальные случаи требующие открытия сундуков, могут зависеть от воли хозяев. Вот почему сундуки у киргизов обыкновенно по ночам не открываются.

Девуцы-гости не должны садиться у порога, а садятся в передний угол, — место почетное, где обыкновенно сажают «Ак-сюяк», т.-е, белую кость, султанского благородного происхождения и стариков. Иначе случится несчастье с домохозяином.

У киргизов существует весьма своеобразный и отчасти страшный взгляд на женщин. На девуцу киргизы смотрят, как на равноправного члена семьи с мальчиками и отдают ей должное почтение и, вообще, уважают ее. Но, раз она вышла в замужество, взгляд немедленно меняется: она представляет собой в их глазах, не более не менее, оргаша, т.-е. самку и, вместо того, чтобы пользоваться правами человека и получать должное, она превращается в рабыню, удел которой только одна работа на всю семью и обязанность которой быть женою, матерью и воспитательницею, — последние две обязанности в самом узком смысле. Основываясь на этом взгляде на женщину, показывающем вполне ясно уважение кирги-

зов к девице, правило об уважении которой, таким образом, превратилось в ходячую формулу для руководства в жизни, в случае неисполнения которого ожидает хозяина несчастье—кара свыше.

Во время беременности женщина не должна есть верблюжьего мяса, иначе она будет носить ребенка в утробе 12 месяцев. Если же и в 12 месяцев не родит, то положив на шею верблюда-самца белую вату, она должна перешагивать через его шею, отчего последуют роды.

Во время родов все сундуки, принадлежащие женщине, отворяются для того, чтобы роды были легкими.

Только что родившая женщина не выгоняет зашедшую в юрту собаку, потому что при неисполнении этого обычая у ней выпадут зубы.

Женщина дров не кладет через треножник очага, иначе муж ее женится на другой.

Мужчине нельзя садиться на корточки, потому что он «преградит дорогу сорока человек. Если же женщина сядет на корточки, то она разрешит путь сорока человек» — доставит счастье и благосостояние сорока человекам.

Беременной женщине нельзя перешагивать через растянутый аркан, потому что при рождении пупок ребенка, обвившись за шею, удушит его.

Нельзя есть головы барана киргизу, имеющему в живых отца, во избежание смерти последнего. Эта примета объясняется тем, что у киргизов водится обычай распределять каждую кость барана по назначению. При таком делении голова достается старшему. Человек, имеющий отца не может пользоваться головою, имея старшего перед собою в лице своего отца.

Нельзя закидывать кошмксы двери на юрту, в противном случае „неприятель откроет его пикую“, т.-е. неприятель одолеет домохозяина, не исполняющего предписания этой приметы. В примете этой также заключается намек на то, как победители киргизы относились к побежденным. Победитель первым

долгом являлся к юрте побежденного, у которого, как сказано в примете, открывал кошемную дверь пикою, затем после этого действия все состояние, и даже жена и дочери становились собственностью победителя, распоряжавшегося как ему вздумается.

Нельзя принимать пищу прежде, чем отведают хозяин. Эта примета, как видно, имеет историческое прошлое. На таком предположении нас останавливает «Краткая история Кокандского ханства» В. Ц. Наливкина. Эта книга от начала до конца занята безконечною борьбою как различных придворных партий, так и борьбою чиновных лиц. Перовские киргизы еще отлично поняли время Якуб-Бека—правителя Ак-мечети, ставленника Кокандского хана.

Мухамед-Али Шах-Мурадов, со слов которого мною записаны эти приметы, рассказывает, что в памяти киргизов Перовского уезда живо сохранился случай с киргизом Егибаем, народным богатырем, стоявшим за интересы киргизов и всегда защищавшим их от произвола кокандских беков. Егибай был юз-баши (сотник) из рода Джаббас. Однажды, рассказывают киргизы, Якуб-бек призвал его к себе за какое то ослушание и во время большого званного обеда преподнес ему чашку с отравою. Егибай узнал, что чай в чашке с отравой и сказал Якуб-беку: «Ты, проклятый сарт, давно желал моей смерти, так пусть исполнится твое желание»! С этими словами он выпил чай и бросился сразить Якуб-бека шашкою, но приближенные удержали его и он, едва успев приехать домой, скончался от выпитой отравы. Вследствие частого повторения таких случаев, киргизы, конечно, начали опасаться есть или пить в чужом доме первым.

Таким образом позволительно думать, что условия исторической жизни киргизов во время кокандского владычества выработали эту примету и вложили в душу их новое чувство, которого раньше не замечалось в них и не могло существовать при том добродушии и симпатичных отношениях к себе по-

добным, которые развились у киргизов, благодаря их образу жизни и природному инстинкту.

Если кто, сев на лошадь верхом, соберется куда-либо ехать, и в это время испражнится его лошадь, то такой человек радуется, предвкушая что достигнет цели. Если та же лошадь будет позевывать—это тоже хорошее предзнаменование. Это издревле оставшаяся примета. Потому, что бывали случаи, когда лошадь перед выездом испражнялась или позевывала, едущий человек достигал цели и получал пользу о чем он передавал (знакомым) людям. Когда лошадь позевывает, сидящий на ней человек должен прикоснуться руками до ее гривы, а затем этими же руками должен провести по своему лицу.

Случается, что на пути лошадь спотыкнется. Это тоже считается хорошо. Тогда (обыкновенно) говорят: «наступила на добычу». Но лошадь за это не бьют.

Если едущий на пути где-либо встретит готовую трапезу, он немедленно должен слезать с лошади, потому, что будет добрый путь. И ему по обыкновению говорят: „вы подехали к готовой трапезе“. Поэтому едущий покусывает пищу, а потом уже продолжает путь.

Если кто-либо заночевал в гостях и на другой день утром собирается домой, а хозяин ему скажет: „от утренней трапезы не отказывайся, а вечерней пищи не ожидай“, то такой гость прежде должен покушать, а потом уже ехать.

Случается, что, когда едут несколько человек в пути и, когда у одного из них лошадь остановится помочиться, то остальные спутники, натянув свои поводья, ждут, пока эта лошадь помочится. А если кто-либо из едущих будет продолжать ехать, то такого человека называют не надежным спутником. Потому, что, если бы на дороге, паче чаяния, встретились злоумышленники, то он и тогда бросил бы своих спутников. Надо полагать, что киргизы серьезно смотрят на эту примету. За 40-летнее пребывание в крае, мне много раз приходилось наблюдать это. Но

мне тогда и в голову не приходило, что это связано с известною приметой.

Если лошадь стоит во дворе или на привязи к колу и в это время выпрямляет и распускает свой хвост, то говорят: „этой лошади предстоит совершить путь“.

Когда едут в дороге и в это время встречается вода (речка), то лошадь поят, не снимая уздечки. А это делают вот почему: едете вы, например, по спешному делу; тут некогда снимать уздечки, а если лошадь ваша приучена, то она пьет и не развужданная; если она была приучена пить без уздечки, то она не будет пить взвужданная, а снимать уздечку, время не терпит.

Когда кто-либо едет и видит на близком или на более дальнем расстоянии женщину, то он обыкновенно тревожится, как бы она не перешла ему дорогу. Но женщина эта и сама дает возможность проехать едущему мужчине и пересекает дорогу лишь тогда, когда уже путник проедет. Если бы эта женщина торопилась перейти ему дорогу, то едущий окликнул бы ее словами: „О, женщина, подожди, дай нам проехать“.

Если женщина перейдет дорогу едущему, то добра в его пути не будет и, в особенности, если перешедшая дорогу женщина в это время находилась в периоде менструации. Киргизская женщина никогда не позволяет себе перейти дорогу мужчине, как бы далеко не была от него. Сартянки же, как говорят киргизы, не придерживаются этой приметы, а пересекают дорогу едущему. Но зато у киргизов оказывается женщине полное внимание и услуги тогда, когда она едет спутником мужчины. Потому что каждый смотрит на нее, как на неможное и слабое создание.

Если несколько лошадей, стоящих на привязи слегка кусая почесывают друг другу гривы, то говорят, что путь будет недалекий.

Когда кто-либо верхом выезжает из дому, то встречный человек произносит: „доброго пути“. „Да

будет так“, отвечает выехавший. Если встрѣчный человек спросит: „Куда вы едете“?, то едущий в гневѣ с раздражением произносит: „А тебе какое дело“?

Если кто-либо с целью совершить путешествие сядет на лошадь, то он просит благословение (пата) у отца и матери, или же у стариков, которые дав „пату“, произносят: „Доброго пути“.

Сорок небылиц.

(Из киргизских сказок Аулие-Атинского уезда).

Не прожить на свете никому без лжи. Уж на что я, избегавший всю свою жизнь неправды, был введен однажды Иблисом *) в соблазн. А соблазн был велик, устоять против него простому грешному человеку, покрытому с ног до головы пороками своих заблуждений, было немыслимо.

Был у нас когда-то причудливый хан, прославивший своими чудачествами по всему миру. Вот как-то он разослал ярлык **) к народу, где требовал к высокому своему присутствию такого искусного человека, который мог-бы рассказать ему заведомую неправду так, чтобы можно было бы ее принять за истину. И за эту неоценимую услугу он обещал выдать в вознаграждение в замужество, ни больше, ни меньше свою красавицу дочь. А ежели, взявший на себя эту замысловатую задачу, молодец, не сумеет выполнить обязательства, ему обещено было тоже ни больше, ни меньше, снять голову с его плеч.

Как бы ни была щедра награда, назначенная ханом, охотников не находилось исполнить его желания.

Осведомившись об этом ярлыке, у меня вскружилась голова от ханского лакомого посула, я невольно почесав себе затылок, крепко задумался...

«О, мой высокий повелитель! Я дерзаю исполнить твою великую волю» — сказал я, представ пред светлые очи моего властелина.

*) Иблис — сатана. А. Д.

**) Ярлык — ханская грамота, повеление. А. Д.

„Хорошо“ — сказал он и милостиво предоставил мне слово.

Я начал так:

Еще не родившись на свет я уже пас табуны моего деда. Как-то, находясь у нашего огромного лошадиного табуна, я заметил отсутствие одной беременной кобылы. Дабы обозреть окрестность я забрался на высочайшую гору и воткнул там крук *). На кончик крука воткнул нож, а на черенок ножа — шило. Когда поднялся я на вершину шила, небо мне показалось с зеркальце, а земля не больше потника, подкладываемого под седло.

Взбираясь на вершину шила, я очень утомился, потому, что было так высоко, что до неба оставалось всего лишь полпути, поэтому немудрено, что уставши я заснул там.

Проснувшись, стал рассматривать с высоты окружающее и взорам моим представилось бесконечное желтое пространство сжатого хлеба и на гумнах множество вымолоченного зерна. Далее внизу увидел я какую-то маленькую лужицу, а по ту сторону лужицы, как ни в чем не бывало, стояла пропавшая кобыла, но уже с жеребенком. Когда я спустился вниз, оказалось, что вода, которую я с высоты принял за лужицу, была огромная необозримая Дарья.

Как тут быть, а нужно было переправиться через Дарью... Я не задумался: ножны моего ножа обратил в лодку, а самый нож в весло и моментально очутился на другом берегу Дарьи. Подбежал к кобыле, вскочил на нее, жеребенка взял на руки и хотел было переправиться обратно через Дарью, но не тут то было: не могу сдвинуться с места. Тогда я сел верхом на жеребенка, взял под мышку кобылу и, не успев мигнуть, как переплыл на другую сторону.

Измученный, усталый и голодный еду по широкому простору поля, густо заросшему таволожником.

*) Крук — длинная палка, к концу которой привязывается петля из волосянной веревки. Крук служит у киргизов для ловли из табуна лошадей. А. Д.

Смотрю, под кустом, притаившись, сидит матерый нерожавший заяц. Это было совсем кстати голодному моему желудку. Заяц не успел и очнуться, как я его со скоростью удара молнии пришиб и привесил к торокам. Ехать далее я уже не мог. Голод давал себя чувствовать, и вот я сошел с кобылы, привязал ее к высохшему колу и стал собирать круглые катышки конского помета, чтобы развести огонь и зажарить на нем зайца.

Сложив в кучу собранное топливо, я уже приготовился развести огонь. Только что поднес зажженую спичку к топливу, как конские катышки обратились в скворцов и с треском крыльев разлетелись во все стороны.

Растерялся я от такой неожиданности и стал озираться кругом. Вижу кобыла моя, испуганная чем-то, бьется. И подбежал к ней. И что же оказывается? Кобылу-то я, профан, привязал за шею кок-кутана *), приняв его за кол.

Дожарив кое-как зайца, я с аппетитом поужинал; обтерев о правый сапог запачканные об заячий жир руки, разулся и лег спать.

Не знаю долго-ль я спал, но слышу какую-то сумятицу и шлепанье около меня. Мне стало жутко и я проснулся. И вы знаете что я увидел? Дерутся два моих сапога: не смазанный жиром сапог бьет смазанный! Что мне оставалось делать? Схватил я один сапог в одну руку, а другой в другую, сжал их крепко-на-крепко в руках, лег и опять заснул.

Встал утром, смотрю—несмазанный сапог исчез куда-то. Тут надел я вторых оставшийся сапог, и хотел было идти, а идти не могу. Что делать? взял да и засунул обе ноги в один сапог, а там и сам не заметил, как пошел.

Иду это, и все озираюсь кругом, не найду-ли мол, сбежавший сапог.

После долгих поисков я набрел на большой аул, где давали поминки. Народ суется, слуги разноси-

*) Кок-кутан—аист. А. Д.

ли кушанья. Вижу в числе прислуживающих и мой сапог. Как увидел он меня, так и присел со страха, а большое блюдо с накрошенным мясом выпало из рук его и разбилось в дребезги. Мне стало так досадно, так досадно, что с горя с'ел на поминках целых четыре блюда мяса с рассолом

Продолжая далее путь, меня стала мучить жажда от плотного обеда. К счастью я вдали увидел озеро, и вот помчался к нему. Прильнув ртом к воде, хотел напиться, но так треснулся лбом, что в глазах засверкало. Оказывается, озеро-то было подернуто льдом. Я с досады и печали оторвал себе голову и ну колотить ею по льду. Лед не выдержал ударов, разбился, обрзав прорубь, и я утолив жажду, пошел дальше. Иду, вдруг слышу около себя какие-то звуки.. Не то зверь какой ревет, не то гудок какой-то гудит. Тут я заметался во все стороны не понимая в чем дело. Оказалось, что звуки эти исходят из моего дыхательного горла *). Продолжаю идти дальше. Вижу несколько верблюжьих пастухов мальчиков, играющих в бабки. Заметив меня, они вскрикнули: „вон идет человек без головы“ и в ужасе пустились во все стороны

Их замечания заставили меня ощупать голову и я с ужасом убедился, что у меня нет части головы выше рта.

Я побежал обратно к озеру и взял там оставшуюся верхнюю часть головы. Стал рассматривать. Вижу, в каждом ухе гуси снесли по 40 яиц“.

„Ах, чтоб тебе пусто было!

О каких это ты гусиных яйцах толкуешь? Это вероятно не гуси, а черные большие мухи положили тебе в уши свои яйца“, — воскликнул и расхохотался добродушно, долго слушавший хан.

Прошло немного времени, хан обнародовал новый ярлык, где извещал, что прекрасную свою дочь отдает за меня замуж.

О моем счастье не стану распространяться, это поймет каждый.

*) В медицине—трахея А. Д.